

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Научная статья
УДК 1(0.91)
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-195-202

НАСИЛИЕ И ПРАЗДНИК: ИСТОРИЯ УТРАТЫ

Оксана Сергеевна Борисова^{1✉}, Ирина Владимировна Кожяева²

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

²Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия
¹borisova@bsu.edu.ru✉, ORCID: 0000-0003-0902-5178
²ikorrotaeva@bk.ru, ORCID: 0000-0002-7998-6516

Аннотация. Целью исследования является анализ взаимосвязи между двумя важными явлениями: праздником и насилием.

Результаты исследования. Отмечается, что исследовательский дискурс о насилии и празднике сложен, поскольку, с одной стороны, исключает пересечение этих двух объектов, с другой стороны, точки пересечения находятся на уровне реальной жизни. Поэтому дискурс о празднике и насилии возникает в первую очередь в антропологии, в которой праздник сопровождается насилием в форме жертвоприношения. Жертвоприношение — первый концепт, позволяющий связать праздник и насилие. Вторым концептом является эксцесс.

Жертвоприношение выступает своеобразным посредником между праздником и насилием. Его исключение в христианстве или даже сама возможность этого запустили механизм разделения праздника и насилия. Помимо этого, в современной культуре насилие вытеснено из пространства публичности.

Перспективы исследования. В качестве итога можно говорить о том, что связь насилия и эксцесса еще более окрепла, тогда как его контролируемый и игровой характер был утрачен. Связь праздника и эксцесса также была разорвана с нарушением оппозиции праздника и обыденности.

Ключевые слова: насилие, праздник, жертвоприношение, человек, эксцесс, миф

Для цитирования: Борисова О. С., Кожяева И. В. Насилие и праздник: история утраты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 195–202. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-195-202>.

Original article

VIOLENCE AND CELEBRATION: A HISTORY OF LOSS

Oksana S. Borisova^{1✉}, *Irina V. Kozhaeva*²

¹*Belgorod State University, Belgorod, Russia*

²*Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia*

¹*borisova@bsu.edu.ru* ✉, ORCID: 0000-0003-0902-5178

²*ikorrotaeva@bk.ru*, ORCID: 0000-0002-7998-6516

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the relationship between two important phenomena: holiday and violence.*

Research results. *It is noted that the research discourse on violence and the holiday is complex, since on the one hand it excludes the intersection of these two objects, on the other hand, the intersection points are at the level of real life. Therefore, the discourse about the holiday and violence arises primarily in anthropology, in which the holiday is accompanied by violence in the form of sacrifice. Sacrifice is the first concept to link celebration and violence. The second concept is kurtosis. Sacrifice acts as a kind of mediator between the holiday and violence. Its exclusion in Christianity, or even the very possibility of this, set in motion a mechanism for separating the holiday from violence. In addition, in modern culture, violence is ousted from the space of publicity.*

Research prospects. *As a result, we can say that the connection between violence and excess has become even stronger, while its controlled and playful nature has been lost. The connection between celebration and excess was also severed with the violation of the opposition between celebration and everyday life.*

Keywords: *violence, holiday, sacrifice, man, excess, myth*

For citation: *Borisova O. S., Kozhaeva I. V. Violence and celebration: a history of loss // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 195–202. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-195-202>.*

Введение. Насилие и праздник, взятые как феномены «жизненного мира» человека, в первом приближении оказываются настолько удалены друг от друга, насколько это возможно. Табуируемое насилие, со всей нагруженностью негативными смыслами, и праздник, неизменно позитивный и желанный, — полные противоположности. Вместе с тем реальность человеческого бытия часто сводит эти два феномена вместе. Более того, в традиционной культуре одно не существует без другого. Праздник не обходился без насилия в своей ритуализированной и ограниченной форме, или даже плохо ограниченной. Фольклор содержит массу таких примеров, от русских сказок с образами драки на празднике, до хрестоматийной исторической поэмы М.Ю. Лермонтова «Песни о купце Калашникове». Сегодня же мы не только на-

ходим все меньше таких примеров, но, как нам кажется, видим уже закреплённую культурную установку на исключение насилия из пространства праздничного, а возможно, и утрату этой достаточно давней связи между насилием и праздником.

«Не/возможный» дискурс праздника и насилия. Отметим сразу, что совместный дискурс праздника и насилия действительно можно считать невозможным и возможным одновременно. Пересечение дискурса о празднике и дискурса о насилии чрезвычайно редко и локализовано по большей части в работах антропологов, в которых праздник, как и насилие, большей частью рассматривается как данность человеческого мира, описывается, а не анализируется. В полной мере связь насилия и праздника намечается в работах

французских философов из «Коллежа социологии» Жоржа Батая и Роже Кайуа. Праздник для них — не только феномен, противоположный обыденности, но также связанный с эксцессом, выворачиванием наизнанку правил, отменой ограничений, в том числе запрета на насилие [6].

Относительно ограничения насилия мы опираемся на достаточно разработанную концепцию миметического насилия Рене Жирара [4], для которого насилие хотя и не относится к празднику, но напрямую связано с феноменом жертвоприношения. Его смысл состоит в концентрации «губительной» энергии сообщества на строго определенном объекте, который уничтожался и освобождал от напряжения, грозящего насилием, отметим особо — насилием бесконтрольным. Сама схема накопления чего-то негативного, ведущего к насилию с последующей разрядкой и освобождением, не является принципиально новой. Мы находим ее у З. Фрейда в его трактовке бессознательного. В курсе лекций, начатых им в Вене в 1915 году, он обращается к описанию структуры психической деятельности, «работа» которой основана на понимании психического как некоторой энергии, причем энергии, по своей сути разрушительной, которую требуется сублимировать, направлять и расходовать на те объекты, которые можно назвать приемлемыми [11].

Возвращаясь к не всегда явному дискурсу праздника и насилия, отметим, что он выстраивается на основе нескольких концептуальных линий, в которых насилие и праздник соприкасаются если и не непосредственно, то через посредничество одного элемента. Первой из таких линий будет являться концепт сакрального, который и выступает таким промежуточным или опосредующим концептом для насилия и праздника, поскольку последние одинаково с ним соотносятся в дискурсе философии, который с опорой на феноменологию религии и идеи Р. Отто, М. Элиаде и ряда других исследователей позволяет говорить об опасности, интенсивности, губительности, чистоте и скверне, наконец, ограничениях и их отсутствии.

Другой линией разговора является концепт эксцесса, который уже не столько опосредует насилие и праздник, сколько принадлежит им обоим. Так праздник есть наруше-

ние установленного порядка, специфическое время, в ходе которого нарушаются привычные установления, производится трата ранее накопленного без оглядки на целесообразность (Ж. Батай). Насилие в ряду нарушений является самым крайним. Если принять установку Р. Жирара, то контроль над насилием следует признать наиболее важным, поскольку его утрата угрожает существованию сообществу людей. И наконец, форма, в которой происходит его контроль, также относится к празднику, — жертвоприношение. Уже сугубо внешним образом жертвоприношение и праздник связаны ритуалом и пиршеством.

Утрата эффективной традиции. Несмотря на сложность соединения праздника и насилия на концептуальном уровне, жизненный мир традиции лишен этой проблемы. Праздник органично включает в себя игровое насилие или насилие в различных ритуализированных формах. Например, Клод Леви-Строс в работе «Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль» приводит интересный пример замещения реального насилия насилием игровым в ходе праздника: «Если какой-либо туземец заденет шуткой или оскорбит животное-эпоним другого туземца, тогда последний сообщает об этом своему клану, который подготавливает праздник, где употребляют в основном пищу тотемного животного: так, если это животное медведь, то ритуальную пищу готовят из ягод и зерен дикорастущих злаков. Торжественно приглашенному оскорбителю приходится напичкиваться ею, пока, как говорят туземцы, он не “лопнет” и не признает силу тотема» [8, с. 271]. Для Леви-Строса это пример утверждения оппозиций через их отрицание и «выворачивание». Запреты и ограничения формируют структуру сообщества и организуют жизнедеятельность, сохраняя свою действенность даже в ситуации их нарушения в ходе праздника. Оскорбление тотема, священного в обычное время, караемое смертью, заменяется его «перевернутым» аналогом, избыточным потреблением пищи. Само же упоминание о силе тотема явным образом отсылает к насилию, поскольку насилие есть обратная сторона силы [1].

У Роже Кайуа мы находим более явное соединение праздника и насилия через концепты эксцесса и трансгрессии. В работе «Чело-

век и сакральное» он характеризует праздник через противопоставление будням. Поскольку последние суть размеренное и упорядоченное бытие, праздник представляет из себя время экзальтации и растраты. Кайуа отмечает, что «... транжирство и уничтожение — формы эксцесса — по праву принадлежат самой сути праздника» [5, с. 219]. Отметим, что Кайуа пишет об уничтожении, а значит насилии, продолжая приведенную цитату упоминанием о драках, сопровождающих праздник. При этом важнейшей характеристикой праздника является его сакральная природа. Если обыденность находится на стороне сакрального, праздник соотносится со сферой сакрального. И сакральное также соотносимо с феноменом насилия через категории губительности и опасности. Один из ключевых теоретиков священного Рудольф Отто пишет об этом как «момента ужасающего»: «На положительное “Как” этой предметности указывает прежде всего прилагательное *tremendum*. Слово *tremor* само по себе означает просто страх — хорошо знакомое “естественное” чувство. Это слово служит нам здесь ближайшим, но лишь аналогичным обозначением совершенно своеобразной чувственной реакции, которая, правда, похожа на страх, и потому по аналогии с ним может быть обрисована, но представляет собой все же нечто совсем иное» [9, с. 23]. Страх или ужас, по мнению Р. Отто, только отчасти, весьма отдаленно передает то интенсивное чувство опасности, которое возникает при соприкосновении со священным.

Рене Жирар на основе анализа феномена жертвоприношения также приходит к связи насилия и праздника. Он выявляет принципиально важную функцию жертвоприношения — возможность концентрировать насилие на строго определенном объекте, который замещает собой все общество. Перенос насилия на жертву, которая должна иметь сходство с замещаемым, но также и отличаться от него, позволяет избавляться от насилия. Жертвоприношение тем самым избавляет от насилия через его ритуализацию, введение правил его использования и ограничение его объектов. И если провести параллель между жертвоприношением и праздником, то они тесно связаны, подразумевая одно под другим. Жирар также определяет

этот механизм избавления от насилия как чрезвычайно неустойчивый, а его поломку называет «жертвенным кризисом», который влечет за собой бесконтрольное насилие: «Сперва мы установили катартическую функцию жертвоприношения. Затем определили жертвенный кризис как утрату и этой катартической функции, и всех культурных различий. Если единодушное насилие против жертвы отпущения действительно кладет конец такому кризису, то очевидно, что именно оно должно находиться в начале новой жертвенной системы. Если только жертва отпущения способна прервать процесс деструктуризации, значит, в начале всякой структуризации стоит именно она» [4, с. 125]. И далее Жирар делает предположение, что установление запрета на насилие лежит в основе всей культуры: «Ниже мы увидим, возможно ли проверить это утверждение на уровне основных форм и правил культурного порядка, — например, праздников, запретов на инцест, обрядов перехода и т.д. Теперь у нас есть серьезные основания полагать, что насилие против жертвы отпущения, вполне возможно, было радикально учредительным в том смысле, что оно, кладя конец порочному кругу насилия, открывает новый порочный круг — круг жертвенных ритуалов, который, вполне возможно, есть круг вообще всей культуры» [4, с. 125]. Далее исследователь приводит примеры праздников, которые подтверждают его идею о жертвоприношении как насилии, меньшем и управляемом ритуалом в противовес насилию большему и неуправляемому, со ссылкой на Юбера и Мосса (греческий праздник «литоболлии» или «побивания камнями») [4].

Уже в другой работе, посвященной стереотипам гонений, Жирар ставит еще более важный вопрос о том, «работает» ли жертвенный механизм исключения насилия после его раскрытия. Само разоблачение осуществляет христианство, которое отменяет жертвоприношение в его насильственной форме. Жирар пишет: «Мы прекрасно видим, что Евангелия отвергают гонение. Но мы не догадываемся, что, отвергая его, они демонтируют его механизм — и тем самым человеческую религию как целое и происходящие из нее культуры. Все символические устои, которые сейчас зашатались вокруг нас, — это

неузнанный нами плод гонительской репрезентации... Однажды выявленные, эти механизмы перестают работать; мы все меньше верим в виновность жертв, которая требуется для работы этих механизмов, а лишённые поддерживающей их пищи и институты, происходящие из этих механизмов, один за другим рушатся вокруг нас. Созаем мы это или нет, но отвечают за это разрушение Евангелия» [3, с. 167]. И крушение этого фундаментального механизма ставит также вопрос о празднике и насилии, не исключая всех других и более фундаментальных, вплоть до понимания культуры в целом как феномена, учрежденного жертвоприношением, не является ли разоблачение гонительских стереотипов и самого механизма замещения источником исключения насилия из праздника. Равно как и второй вопрос — об упадке самого праздника, последующего за заявленным ранее исключением.

Сам факт разоблачения механизма жертвоприношения Рене Жирар связывает с христианством. Христианство делает явным центральный момент указанного механизма, а именно — безвинность жертв гонений. Тем самым происходит перевод жертвенного насилия из спасительного в преступное. Соответственно, не происходит необходимого ограничения насилия, его концентрации на «виновном» объекте. И далее можно продолжить Жирара в том, что, если нет жертвоприношения, то есть ли праздник. Его ответ состоит в том, что разоблачение состоялось и механизм замещения был скомпрометирован, но выбор в его пользу все еще осуществляется, даже самими христианами [3]. Можно предположить, что это половинчатое решение проблемы миметического насилия также ведет к сбою в «жизнеспособности» праздника, по крайней мере, запустило процесс разделения насилия и праздника.

В категориях традиции, традиционной культуры данное разделение может интерпретироваться как утрата праздником сакрального. Посредничество этого концепта в объяснении связи праздника и насилия на содержательном уровне сталкивается с проблемой процесса пост-секулярности. И здесь применима та схема динамики религиозного, которую обосновывает С. Жижек в работе «Кукла и карлик: христианство между ере-

сью и бунтом». Это движение по гегелевской схеме и за ее пределы: «... переход от одного состояния к другому здесь совершенно ясен: сначала (народная) религия теряет свою органическую *Naturwuchsigkeit*, превращается в набор отчужденных — извне навязанных и условных — правил; затем, что вполне логично, разум должен подвергнуть авторитет этих правил сомнению... Но каким может быть следующий шаг, который позволит вырваться из этого замкнутого круга, в котором универсалистский морализм и абстрактное чувство постоянно превращаются друг в друга?» [2, с. 9]. Выход из круга, очерченного Гегелем для религии, в которой ей отводится роль абстрактного и универсального морализма, по мысли Жижека, находится в уходе чувства религиозного на индивидуальный уровень, причем настолько интимный и глубинный, что в ней не признаются. Для обозначения такой веры Жижек обращается к концепту «подвешенной веры», веры, которая «ушла» из публичного пространства.

Этот факт «выдергивает» сакральное (веру мы рассматриваем как необходимую составляющую сакрального) из условного треугольника «праздник — сакральное — насилие». Ее посредничество прерывается так же, как и связь праздника и насилия. Остается связь между сакральным и насилием, которая раскрывается в концепциях секуляризации через обоснование угасания религиозного чувства, а вместе с ним и насилия. Вместе с тем реальность опровергает это утверждение. Происходит рост насилия, имеющего религиозную мотивацию и террористического в том числе [12]. И одновременно с этим стоит сказать о том, что насилие вытесняется из пространства публичного, что несколько противоречит первому тезису о росте религиозного насилия. Статистические данные о насилии, особенно в большой исторической перспективе, говорят о снижении насилия [10] с одним важным уточнением, что речь идет о физическом насилии. Именно оно вытесняется на периферию публичных пространств современной культуры, а одним из таких публичных пространств как раз и является праздник.

Заключение. Обе указанные тенденции являются разнонаправленными, однако их

можно рассматривать и как диалектическое противоречие, при котором уничтожение связи между праздником и насилием является следствием исключения насилия из публичной сферы, что можно отнести к росту безопасности; но также понимать под этим процессом и то, что насилие, ранее перекодированное в игровое, находит выход в различного рода эксцессах и проявлениях, слабо контролируемых. Сам же праздник также трансформируется без этого важного элемента, уже не играя своей роли в обеспечении безопасности на уровне повседневности, традиции и региона [7]. Оппозиция праздника как времени траты, эксцесса и обыденности, времени работы и накопления, ушла в прошлое. Произошла профанизация праздника, равно как и обратное, то, что можно назвать «праздником каждый день», тем более, что это комплементарно игровой природе реальности постмодерна.

Общий вывод из двух поставленных нами вопросов звучит утвердительно. Праздник и насилие, некогда тесно связанные в традиционной культуре, сегодня дистанцированы друг от друга. Насилие исключено из праздника как феномена публичной жизни, но, что и составляет глубинную механику этого процесса исключения, исходно праздник как пространство жертвоприношения перестал таковым быть. Вместе с жертвоприношением из праздника было исключено и насилие.

Сближение праздника и обыденности, стирание этого фундаментального для традиционной культуры различия, также привело к исчезновению эксцесса. Последний являлся неотъемлемой частью праздника и тесно соприкасался с насилием. Сегодня праздник растворен в повседневности, а повседневность — в празднике, а эксцесс из локализованного и в определенном смысле управляемого стал не только периферийным, но и спонтанным. В итоге мы видим утрату связи между праздником и насилием многогранной и сложной, замененной в современности простым исключением.

Список источников

1. Борисов С. Н. Русский Аристотель: герменевтика перевода и понимание насилия // Вопросы философии. 2019. №10. С. 42–45.

2. Жижек С. Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом. М.: Европа, 2009. 336 с.

3. Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.

4. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.

5. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.

6. Кибалко В. В., Борисов С. Н. Праздник и сакральное: ретроспектива // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. №5(91). С. 35–41.

7. Культурная безопасность региона: объекты, компоненты, перспективы развития / К. В. Воденко, А. К. Дегтярев, О. С. Иванченко и др.; Отв. ред. д. ф. н., профессор К. В. Воденко. Ростов н/Д: Поволжский центр экологический оценок, 2022. 188 с.

8. Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. 486 с.

9. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: АНО, Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. 272 с.

10. Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 952 с.

11. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.

12. Юргенсмайер М. «Ужас мой пошлю пред тобою». Религиозное насилие в глобальном масштабе. М.: НЛЮ, 2021. 496 с.

References

1. Borisov S. N. Russkij Aristotel': germe-nevtika perevoda i ponimanie nasilija [Russian Aristotle: hermeneutics of translation and understanding of violence]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2019; (10): 42–45. (In Russ.).

2. Zhizhek S. Kukla i karlik. Hristianstvo mezhdou eres'ju i buntom [Doll and dwarf. Christianity between heresy and rebellion]. Moscow: Evropa, 2009. 336 p. (In Russ.).

3. Zhirar R. Kozel otpushhenija [The scape-goat]. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 2010. 336 p. (In Russ.).

4. Zhirar R. Nasilie i svjashhennoe [Violence and the sacred]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 448 p. (In Russ.).

5. Kajua R. Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe [Myth and Man. Man and the sacred]. Moscow: OGI, 2003. 296 p. (In Russ.).

6. Kibalko V.V., Borisov S.N. Prazdnik i sakral'noe: retrospektiva [Holiday and the sacred: a retrospective]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2019; 5(91): 35–41. (In Russ.).

7. Kul'turnaja bezopasnost' regiona: ob'ekty, komponenty, perspektivy razvitiya [Cultural security of the region: objects, components, prospects of development]. K.V. Vodenko, A.K. Degtjarev, O.S. Ivanchenko i dr.; Otv. red. d.f.n., professor K.V. Vodenko [In K.V. Vodenko (eds.)]. Rostov-on-Don: Povolzhskij centr jekologicheskij ocenok, 2022. 188 p. (In Russ.).

8. Levi-Stros K. Totemizn segodnja. Nepriruchennaja mysl' [Totemism today. Untamed

thought]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2008. 486 p. (In Russ.).

9. Otto R. Svjashhennoe. Ob irracional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s racional'nym [Sacred. On the irrational in the idea of the divine and its relation to the rational]. Saint Petersburg: ANO, Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2008. 272 p. (In Russ.).

10. Pinker S. Luchshee v nas. Pochemu nasiliya stalo men'she [The best in us. Why violence has become less]. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2021. 952 p. (In Russ.).

11. Frejd Z. Vvedenie v psihoanaliz. Lekcii [Introduction to psychoanalysis. Lectures]. Moscow: Nauka, 1989. 456 p. (In Russ.).

12. Jurgensmajer M. «Uzhas moj poshlju pred toboju». Religioznoe nasilie v global'nom masshtabe [«I will send my terror before you». Religious violence on a global scale]. Moscow: NLO, 2021. 496 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 25.01.2023; approved after reviewing on 12.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Оксана Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и теология», Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Oksana S. Borisova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State University. 85 Pobedy str., Belgorod, Russia

Кожяева Ирина Владимировна — аспирант кафедры «Философия, культурология, науковедение», Белгородский государственный институт искусств и культуры. Россия, г. Белгород, ул. Королева, 7

Kozhaeva Irina Vladimirovna — Postgraduate Student, Department of Philosophy, Cultural Studies, Science of Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture. 7 Koroleva str., Belgorod, Russia

Вклад авторов:

Борисова О. С. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Кожяева И. В. — написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Borisova O. S. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Kozhaeva I. V. — writing the source text; follow-on version of the text; final conclusions.
